

Самооборона

Одичав от глупости и скуки,
Многолетней телеболтовни,—
Сам себя беру я на поруки,
Сам себе отсчитываю дни...

Сам, над енисейским непокоем,
Сам, в самом придуманной стране,
Я иду под собственным конвоем
К мной самим поставленной стене.

Сам срываю с глаз своих повязку,
Сам зову на ужин вороньё.
Как не верил я в былую сказку,
Так не верю в новое враньё.

Никому я больше не попутчик
И себя прошу о пустяке:
Как бы мне прицелиться получше
И не дрогнуть пальцем на курке.

1989

Плач о недостроенном доме

Господи, убавь мои тревоги.
Что-то день неладное таит.
Кто-то дом поставил у дороги.
Так и недостроенный—стоит.

Дом кирпичный, с необычной крышей,
На какой-то западный манер,
Не затем, чтобы казаться выше,
А являть изящества пример.

Дом стоит в клубах дорожной пыли.
Вместо окон—чёрная тоска...
Видимо, хозяина убили,
А его—пустили с молотка.

Только нет желающих и смелых
Угодить в кирпичную беду.
Дом стоит без смысла и без дела.
Я его жалею на ходу.

Господи, смири мои поступки.
Я хочу молиться и молюсь,
Чтобы не была такой преступной
И такую подлой наша Русь.

2004

Красноярские «Столбы»

Кляня людскую жизнь,
Что каторгой была,
Рванулись камни ввысь—
Но тяжесть не дала.

Тогда они в бега—
От злой людской судьбы.
Их приняла тайга.
И стали в ней «Столбы».

Не тронет их молва.
Годам утрачен счёт.
По каменным стопам
Базаиха течёт.

История стара,
Но помнят свой полёт
Два каменных «Пера»
И «Дед», что слёзы льёт.

За теми горами, за теми лесами,
За теми годами, за теми летами,
И, если с усами, вы знаете сами,
Что спрятано там, за семью небесами.

1967

Праздничный вальс

На Дубровинской улице,
Там, где яблони в ряд
Белоснежно красуются
Столько вёсен подряд...

Где дома отражаются
В енисейской воде—
Жизнь моя продолжается
То в пирах, то в труде.

Всё с друзьями, с любимыми—
Золотые года!
Енисей течёт мимо...
Ледяная вода.

Скоро всё образуется.
И меня—на покой...
По Дубровинской улице.
По красивой такой.

2002

Другу-скульптору

Земля трясётся под ногами,
И вновь идёт на брата брат...
Друга пробуют рогами
И демократ, и партократ!

Слетают вывески и маски,
Всплывает муть минувших лет.
Но слишком много чёрной краски,
А белой будто бы и нет!

Но ты, художник, встань над всеми,
Пролей на камень пот и кровь!
Прославь и в наше злое время
Надежду, Веру и Любовь!

1987

Экзюпери

О том поёт поэт-пилот,
А мы внимаем с изумленьем,
Что наша жизнь — ночной полёт
С одним надёжным приземленьем.

1981

Плач над Рижским заливом

Жизнь пролетела,
Как сверхзвуковой истребитель.
Быстро до жути
Сгорбилось тело, уволился ангел-
хранитель.
Финиш, по сути.

Точка, конец.
Но не повод для слёз и печали.
Просто припомнил,
Как жалобно чайки кричали:
Горько, пронзительно,
Как о последнем причале!
Или далёком, почти позабытом
Начале!

2004

Начало рыночных отношений

Разбазарилась Россия:
В дикий рынок — напролом!
Ходят мальчишки красивые,
Промышляют бараклом.

Разбазарилась Россия.
Все торгуют — млад и стар.
Ходят девочки красивые,
Предлагают свой товар.

Вот такое дело скверное
Не во сне, а наяву!
Это всё пройдёт, наверное,
Только я не доживу.

2001

Старый вяз

У порога старый вяз. В жаркий день
Он заботится о нас: дарит тень.
Он ладони поставляет ветрам,
Укрывает детвору от дождя.
Я приветствую его по утрам
И прощаюсь навсегда, уходя.
Старику, ему стоять нелегко,
Ветки старые держать на весу.
Он грустит, что от других далеко,
И жалеет, что растёт не в лесу.
Жить непросто от друзей в стороне.
Но ему не убежать, как и мне!

1982

Тревога

Тревогой тишина полна. Тревога!
Она у каждого окна и у порога.
Она за каждой стеной,
Над каждой крышей.
Она с тобой, она со мной
И с тем, кто выше.
Она в волне и над волной,
На небе и на суше.
Объят тревогой шар земной
И наши души.

1987–2005

Осенняя пора

Горят подмосковные клёны.
Пылают и ночью, и днём.
Поляны, недавно зелёные,
Охвачены рыжим огнём.

В прощальном осеннем букете,
Меж ярких стволлов и ветвей,
Вот я — самый рыжий на свете —
Для радости рыжей твоей.

1982

Замок

Замок спит, задёрнув шторы,
Над водой воздев мосты.
Стали рыцари в дозоры,
Зорко смотрят с высоты.

В люстрах свечи догорели.
В тишине куранты бьют,
Да бродяги менестрели
Песню грустную поют.

До утра из дали дальней
Будет тот напев звучать.
Так красив мотив печальный...
Только слов не разобрать.

1967